

кой 31 января, если к этой дате не начнутся переговоры. Здесь мы видим новый поворот в противостоянии народа и власти: народ хочет знать, почему его заставляют сражаться. Потребовалось четыре года войны, чтобы это законное желание всплыло на поверхность. В России оно уже достигло своей цели. Все громче звучат голоса в Англии. Требования заключить мир выдвигаются и в Австрии. Мы не знаем, насколько сильно недовольство войной в Германии или во Франции. Но война вступила в новую фазу – фазу борьбы между стадом и его пастырями» (цит. по: с. 511).

Для героев П. Энглунда, в большинстве своем неизвестных, война закончилась по-разному. Один из 19 погиб (военный инженер австралийских частей Уильям Генри Докинз), один пропал без вести (датчанин Крестен Андерсен), двое (итальянец Паоло Монелли и артиллерист британской армии, новозеландец Эдуард Мосли) попали в плен, один превратился в живую развалину (британец Ангус Бьюкенен). Многие из них приветствовали начало войны, но затем научились ненавидеть ее; другие же возненавидели войну с самого первого дня. Но для всех них, как и для итальянца Паоло Монелли, Первая мировая стала «нашим злополучным наследством, нашим славным наследством, – во всяком случае нашим окончательным и бесповоротным наследством, мы навеки прикованы к своей памяти» (с. 591).

И.Е. Эман

2014.03.005. СУРЖИКОВА Н.В. ВОЕННЫЙ ПЛЕН В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ, (1914–1922). – М.: Полит. энциклопедия, 2014. – 423 с.

Ключевые слова: Первая мировая война; иностранные пленные на Урале и в Сибири; отношение властей к пленным.

В книге канд. ист. наук Н.В. Суржиковой, состоящей из введения, семи глав и заключения, анализируется проблема воздействия плена и пленных на экономическое, политическое и социокультурное состояние региональных институтов в России.

Пленные иностранцы, ставшие для провинции неожиданно, отмечается в книге, появились на Урале уже в 1914 г. Однако они были не военнопленными, а германскими и австро-венгерскими подданными, застигнутыми войной на территории России и

именуемыми впоследствии гражданскими пленными, мирнопленными, военнопленными. При этом среди военнопленных были весьма уважаемые и достойные люди (с. 72).

Этот плен, отмечает автор, еще не будучи пленом в обычном понимании слова, сразу обнаружил «взаимопонимание» между местными военными и гражданскими чиновниками. В сознании рядового обывателя и эти иностранцы, и попавшие в плен с полей сражений воспринимались как военнопленные.

Их обустройство стало делом хлопотным и затратным, что ощутили на себе как государственные, так и негосударственные структуры всех уровней. Для предприятий проблемы начинались уже с процедуры «испрошения» пленных, отнимавшей немало времени, сил и средств. Не менее «ресурсоемкой» оказалась транспортировка пленных к местам их непосредственного размещения и трудоустройства. Так как военное ведомство ограничивалось сопровождением военнопленных лишь до ближайших станций или пристаней, заботы по их дальнейшей доставке ложились на работодателей (с. 129).

Уральский регион оказался переполненным иностранцами, которые быстро стали превращаться в чувствительный раздражитель для местного населения. Остро стояла и проблема обеспечения военнопленных жильем. Сначала вопрос размещения пленных решался посредством использования обывательских квартир, владельцы которых за содержание каждого постояльца авансом получали 7,2 руб. в месяц от местного полицейского исправника (с. 129). Управления округов, явно не желавшие тратить на постройку новых сооружений, «откровенно нарушали предписанный военным ведомством порядок, допуская совместное проживание пленными с обывателями – при таком размещении правильный надзор за пленными был весьма затруднителен. Кроме того, инвестирование в обеспечение пленными жильем весьма солидных сумм не означало, что они были действительно обеспечены жильем» (с. 130).

Больше повезло тем пленным, которые были отправлены в деревню. Здесь были более или менее сносные условия проживания. Такой подход к проблеме, позволяя избежать лишних затрат, вместе с тем означал, что бараки и казармы для пленных, там, где они, в конце концов, появились, символизировали не только и не столько некий общепринятый порядок в деле размещения пленными,

сколько свидетельствовали о географической удаленности и инфраструктурной необеспеченности тех или иных территорий.

Проблема возникла и с медицинским обеспечением населения. И хотя круг учреждений, оказывавших пленникам здравоохранительные услуги, был достаточно широк – медицинские учреждения военного ведомства и ведомства путей сообщения, земские и горнозаводские больницы – улучшить ситуацию с медицинским обслуживанием не было возможности, поскольку брать на себя дополнительную нагрузку и лишнюю ответственность никто не хотел.

Снабжение пленных продовольствием, одеждой и обувью превратилось в повод для бесконечных препирательств между военными чиновниками. В деревне обеспечение пленных иностранцев одеждой и обувью и вовсе рассматривалось как необязательное. Для промышленников и аграриев, использовавших труд пленных, эти вопросы стали столь обременительными, что некоторые хозяйственники задумались, а нужны ли им пленные вообще? Однако отказаться от услуг военнопленных или, по крайней мере, минимизировать их число поспешили лишь единицы. Остальные же явно недооценили проблему снабжения пленников одеждой и продовольствием.

Уже первый опыт приобщения пленных к общественно полезному труду, пишет автор, доказал, что предприятие это сомнительное. Очень низкая производительность труда военнопленных стала неприятным сюрпризом для всех работодателей. Привлечение пленников к посевной и уборочной кампаниям 1915 г. не порадовало и местных аграриев, подсчитавших, что результативность подневольного труда военнопленных оказалась «вдвое и более меньше нормальной для данной местности». Факт низкой продуктивности подневольного труда зафиксировало и ведомство железных дорог, использовавшее пленных на земляных, каменных, плотничных и прочих работах (с. 169).

Попытки исправить положение обилием предписаний «сверху» оказались безрезультатными. Более того, пишет автор, теоретически вполне целесообразная интеграция пленных иностранцев в производственные процессы оказалась дестабилизирующим фактором хозяйственной жизни страны.

Ситуация осложнялась еще и попытками использования пленных в политико-идеологических целях. Еще до своего пленения солдаты и офицеры разных наций и конфессий относились к войне по-разному, различно оценивая свою роль в связанных с ней событиях. Представляя собой этнически пестрый конгломерат, оказавшиеся в годы Первой мировой войны в России пленными иностранцы никогда не составляли и не могли составлять даже хрупкой целостности. Невзгоды совместного существования, как показывает автор, пленных вовсе не сплотили, а наоборот, увеличили дистанцию между ними. Антипатии и фобии этнического свойства на чужбине не замедлили перерасти в открытые конфликты.

В то время как центральные власти настойчиво рекомендовали привлекать к наиболее ответственным работам – т.е. работам на оборону – исключительно пленных славян, многие хозяйственники на Среднем Урале открыто заявили о том, что этническая принадлежность пленных, в отличие от специальности, им безразлична.

Зароненные зерна неравноценного отношения к пленным иностранцам в зависимости от их этнической принадлежности дали всходы, но только совсем не на той ниве, где ожидалось. Принятые было в отношении славян явочным порядком «самые снисходительные меры» и предоставленные им «широкие льготы», как то: право жить на частных квартирах, право на расконвоирование и, наконец, право наниматься на работу на частных предприятиях – Главное управление Генерального штаба быстро аннулировало на том основании, что часть пленников употребила все эти блага во зло: «Началось гулянье по ресторанам до поздних часов, ухаживание, занятие в театрах и публичных увеселениях, что вызвало сильное неудовольствие местных жителей, не различавших ввиду одинаковой формы славян от австрийцев. Случаи бегства также участились» (с. 211).

С назреванием же в России Гражданской войны военнопленные превратились в объект повышенного внимания. Автор не ставит задачу показать участие военнопленных на фронтах Гражданской войны, основное внимание уделяя тем контингентам пленных, кто оставался в положении военнопленных, но отмечает, что антибольшевистские правительства рассматривали славянских военнопленных в качестве своих союзников в борьбе с советской властью. В соответствии с постановлением Временного Сибирского прави-

тельства мадьяры и немцы подлежали обязательной изоляции в особых лагерях в городах, в то время как прочие пленные и прежде всего «романо-славянского происхождения» размещались по деревням и станицам, где было значительно проще с работой и продовольствием. При этом все чехи и словаки уже с конца августа 1918 г. считались мобилизованными в Чехословацкую революционную армию, подчиненную Чехословацкому национальному совету в России, и формально перестали быть военнопленными.

Баланс между гибкостью и твердостью в отношении военнопленных так и не был найден ни Временным Сибирским правительством, ни Уфимской директорией, ни Омским правительством А.В. Колчака. Заимствованный ими у царского правительства «курс на этнизацию плена и национализацию армии, причем пролонгированный вынужденно в знак своего рода признательности Чехословацкому корпусу, оказался, – полагает автор, – одной из роковых ошибок» (с. 212). Совершенно неожиданно для себя власти столкнулись с тем, что Чехословацкий национальный совет предъявил претензии на исключительное и нераздельное распоряжение всеми пленниками, оказавшимися на территории белых в Сибири и на Урале.

Что касается большевиков, то в середине декабря 1917 г. Совет народных комиссаров принял декрет об освобождении военнопленных от тюремно-лагерного режима, присвоив им права граждан нейтральных стран и отменив все виды принудительных работ. Помимо того, неприятельским военным служащим было разрешено создавать свои революционные организации и заниматься издательской деятельностью. 23 января 1918 г., несмотря на огромные экономические трудности, советское правительство выделило на их нужды еще и солидную сумму в 3120 тыс. рублей. Вслед за центральными властями лицом к пленным повернулись власти региональные (с. 278).

С подписанием Брест-Литовского мирного договора всякая агитация среди пленных была запрещена. Но несмотря на это идеи Коммунистического интернационала им продолжали методично прививаться. В отличие от белогвардейцев большевики, возведя в абсолют «интернационализацию» пленных, последовательно реализовывали эту политику. Однако, отмечается в книге, «благие намерения советского правительства выходили пленным боком. При-

чина тому была проста и очевидна – советское государство не могло обеспечить их минимальные физические потребности, не говоря уже о чем-то большем. Проблемы самодержания, перебои с продовольствием стали для пленных солдат и офицеров настоящей бедой, оказавшись главным индикатором того, что в освобожденной демократической России они чувствовали себя значительно несвободнее, чем ранее» (с. 277).

Окончание Первой мировой войны 11 ноября 1918 г., подчеркивается в книге, не принесло пленникам долгожданного освобождения: «Иллюзия свободы, замаячившая на горизонте уже на рубеже 1917–1918 гг., оказалась для многих из них бременем не менее тяжким, чем несвобода» (с. 276).

В 1918–1919 гг. покинуть Урал и Сибирь удалось очень немногим военнопленным. Большая их часть смогла это сделать лишь в 1924 г. Однако, по данным автора, некоторое количество бывших военнопленных все же по ряду обстоятельств вынужденно осталось в СССР (с. 307).

Приведенные выше факты, считает автор, позволяют утверждать, что российский плен не предложил военнопленным простых сценариев освобождения и «для некоторой части узников войны плен после плена затянулся настолько, что перекрыл по своей продолжительности собственно плен» (с. 308).

В.С. Коновалов

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

2014.03.006–010. ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК. Т. 1–5. (Сводный реферат).

2014.03.006. Исторический вестник. – Т. 1 (148): Начало русской государственности. – М.: АНО «Руниверс», 2012. – 184 с.

2014.03.007. Исторический вестник. – Т. 2 (149): Терроризм в России в начале XX в. – М.: АНО «Руниверс», 2012. – 228 с.

2014.03.008. Исторический вестник. – Т. 3 (150): Романовы: Династия и эпоха. – М.: АНО «Руниверс», 2013. – 368 с.

2014.03.009. Исторический вестник. – Т. 4 (151): История – свидетельница времен. – М.: АНО «Руниверс», 2013. – 224 с.